



**ЗЕМЛЯ ЛИШНИХ**  
**АНДРЕЯ КРУЗА**



**АЛЕКСАНДР ШИЛО**

**ОРУЖЕЙНИЦА**



**МОСКВА  
2017**

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Ш59

Разработка серийного оформления  
*В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа  
художника *И. Хивренко*

**Шило, Александр Александрович.**

Ш59 Оружейница / Александр Шило. — Москва :  
Издательство «Э», 2017. — 464 с. — (Вселенная  
Андрея Круза).

ISBN 978-5-04-089348-5

Жизнь — она действительно вроде зебры. Студенку Бауманки Сашу Кравцову она успела и болезненно лягнуть, и одарить любовью. А теперь ей на голову в прямом смысле слова валится новый мир, новая жизнь, новая ответственность... Вывози, старенький «запор»!

Вези по дорогам Новой Земли! А там... И дожди, и опасности. Там Сашу ждут новые друзья и хищные чудовища, любимая работа и надежда на простое женское счастье, ожидание встречи с любимым и весьма необычное изменение семейного статуса. Жалеть о том, что осталось «за ленточкой», времени не остается.

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089348-5

© Шило А.А., 2017  
© ООО «Издательство «Э», 2017

ПОСВЯЩАЕТСЯ  
ВЕРОНИКЕ СКУГИНОЙ

*Михнево.*

*26 мая 1999 года, среда, 10 часов 27 минут*

В школе закончился последний звонок. Линейка стала расплзаться, превращаясь в броуновское движение празднично одетых учеников, родителей, учителей. Кто-то направился внутрь школы, устроив толкотню у входа, кто-то устроил беготню по двору, стайка одиннадцатиклассников двинулась к выходу со школьного двора.

— Саш, а чего твои не пришли? — Курносая светловолосая пышка обратилась к своей подруге, черноволосой девушке с правильными чертами лица, примерно на полголовы выше и существенно стройнее спрашивавшей.

Та открыла рот, чтобы ей ответить, но в этот момент пышка отскочила в сторону, громко взвизгнув от болезненного щипка за зад, и между ними нарисовался их одноклассник в классическом прикиде «братка» — малиновый пиджак, «золотая цепь на дубе том», «гайки» на распальцовке и стрижка под машинку. Протянув руку, он попытался лапнуть за бюст черноволосую, но тут же с невнятным матюком отдернул ее, украшенную парой довольно глубоких царапин.

— Ты чего, придурочная, я тя хотел на дачу на вечер пригласить. Оттянулись бы клево.

— Иди ты со своей дачей на фиг, она мне не впала, — буркнула черноволосая.

— Ох ты блин, целочка! Да кому вы, дуры, на хер нужны со своими медалями? Токо сутенерам!

Ухмыльнувшись, он развернулся к стоящему у тротуара «шестисотому» «мерину», оттолкнув по дороге пожилую женщину с мулаточкой из третьего класса, завалился на заднее сиденье и, опустив стекло, глумливо выкрикнул:

— Пока, отличницы, до встречи на Кутузовском!

Черноволосая показала «мерину» «фак» и, плюнув, буркнула:

— Гони, мажор, пуля один хрен быстрее, — и повернулась к пышке.

— Кать, маму выдернули на дежурство, а отец в рейсе, будет завтра, — и без перехода добавила: — Вот козел, все-таки испортил настроение.

*Михнево.*

*26 мая 1999 года, среда, 11 часов 39 минут*

Черноволосая вышла из автобуса, подошла к пешеходному переходу со светофором. Кнопку нажал кто-то с противоположной стороны улицы, и, дождавшись зеленого, она пошла по переходу. Подойдя к осевой, девушка невольно повернула голову направо, где раздраженно газовал водитель старой «бэхи», сделала шаг из-за стоявшего перед переходом «бычка»... и страшным ударом капота выскочившей из-за него «девятки», водитель которой решил проскочить по встречной, ее подбросило в воздух...

*Михнево.*

*27 мая 1999 года, четверг, 10 часов 12 минут*

— Марина Алексеевна, ну что мне вам говорить. — Пожилой врач раздраженным движением сломал в пепельнице только что раскуренную сигарету. — Вы

сами опытная медсестра и все должны понимать. Одиннадцать переломов, коленный сустав вдребезги, мышцы разможены и порваны. Ногу придется резать. Нет, ну я, конечно, могу помучить ее дней десять, но вероятность спасти ногу стремится к нулю, а вот почки антибиотиками и продуктами распада мы ей посадим со стопроцентной вероятностью.

— Я все понимаю, Олег Филиппович. — Женщина, всхлипнув, вытерла глаза. — Но как я скажу ей, что она стала инвалидом... — Женщина опять вытерла глаза. — А где будете резать?

— Нижняя часть средней трети. Протез она сможет носить нормально. Идите к ней и постарайтесь объяснить ей все. Вам она поверит.

Женщина полувздыхнула-полувсхлипнула, встала со стула и пошла к выходу из ординаторской.

Войдя в палату к дочери, она приставила стул к кровати и, присев на него, взяла дочь за руку, измазанную зеленкой.

— Доченька... — Голос женщины пресекался. — Сашенька...

— Мама, говори... — Голос девочки был тих, но явно звенел от напряжения. Напряжение видно было и на ее лице, тоже измазанном зеленкой и покрытом ссадинами.

— Сашенька... Тебе придется ампутировать ногу. Выше колена.

Саша шумно выдохнула и явно расслабилась.

— И все?

— Что — все?

— И больше ничего?

— Да. У тебя вдребезги разбита левая нога, сломаны два ребра, куча ссадин и ушибов, но ни черепно-мозговой, ни даже сотрясения мозга нет.

Девушка еще раз шумно выдохнула, поморщившись от боли в ребрах, и неожиданно слабо улыбнулась.

— Мам, когда ты вошла в палату, у тебя было такое лицо, что я решила, что не доживу до вечера.

— Доченька, прости...

— Ладно, мам, проехали. Буду жить с запчастями. Но ключевое здесь слово — «жить». А когда операция?

— Примерно через час.

Саша приподняла голову и посмотрела на толстый валик, обмотанный бинтами в кровавых пятнах, в который превратилась ее левая нога.

— Мам, ты принеси мне к вечеру учебники и конспекты, все, что на моем столе. И сходи завтра в школу, узнай, как мне можно будет сдать экзамены. Я не буду терять год.

*Москва.*

*11 августа 2004 года, вторник, 11 часов 26 минут.*

*Саша*

— Ну как, нормально?

Я нарезала еще два круга по кабинету, пару раз наклонилась.

— Нормально, Матвей Петрович, нигде не давит, привыкну быстро. — Я подошла к большому зеркалу на стене кабинета и еще раз с удовольствием убедилась, что косметика на протезе является точным зеркальным отражением формы правой ноги.

— И за косметику вам спасибо. Подогнали идеально. — Я села на кушетку, открыла клапан на гильзе, сняла протез с культи и потянулась за лежащей рядом «козьей ножкой»<sup>1</sup>.

— Сашенька, хотел тебя спросить, зачем ты второй раз заказываешь еще и «козью ногу»? Ведь обычно девушки делают все, чтобы протез был незаметен.

---

<sup>1</sup> Козья нога, «пег-лег» — сленговое название протеза с тростевым наконечником вместо стопы. Может быть как с коленным шарниром, так и чаще без него.

— Потому что она легче, я на ней по дому прыгаю, когда нужны свободные руки, а такой тягать надоело, и вообще на ней я устаю меньше... — Я закончила натягивать на культю чулок, просунула его конец в клапан гильзы «пег-лега», поднявшись с кушетки, вставила ногу в протез и стала привычным за последние годы движением вытягивать чулок через отверстие, расправляя кожу по стенкам гильзы. Вытянув чулок, я закрыла пробкой клапан и сделала несколько шагов. — А насчет незаметности... У нас на потоке есть одна «мондам» со специфическими взглядами и любимой пластинкой — «инвалиды — финансовая гирия на шее общества».

— Вот уродина, — фыркнул Матвей Петрович, — ей бы самой что-нибудь отрезать.

— Ага. Лучше голову — за полной бесполезностью, — согласилась я. — Ну так вот. Помните, весной у меня на старом гавкнулось колено? — Матвей Петрович кивнул головой. — А как раз на факультете намечался вечер, и пойти хотелось. Я попросила отца, он отнес «пег-лег» в сервис, там ее вмиг заделали металликом цвета «мокрый асфальт». Я надела юбку калибра «на ладошку ниже киски», дэ-э-э-кольтэ, колеса в уши, нахлобучила ножку и пошла на вечер. Не скажу, что все парни были мои, но количества ухажеров вполне себе хватило для лечения любых комплексов. А в порядке бесплатного приложения на меня сделал стойку еще и кавалер этой крыски. Они благополучно погавкались, и она свалила в расстроенных чуйствах.

— Ага, а ты получила чувство глубокого морального удовлетворения?

— Ага, и не только...

Матвей Петрович удивленно посмотрел на меня, и я почувствовала, что краснею при воспоминаниях о «галантном продолжении банкета», которое устроил мне тогда Сережка Смирницкий, и о том, где и когда мы проснулись на следующий день...

Выражение лица Петровича сменилось на понимающее, и он, хмыкнув, спросил:

— Ножка-то как?

— Нормально. — Стараясь скрыть смущение, я крутанулась вокруг своей оси на тросточке «пег-лега» и подошла к зеркалу.

Мд-я-я-я. Цвета побежалости так и играют. Следите-ка получше, Сашенька, за собственным базаром, дабы не краснеть перед пожилыми людьми.

Я села на кушетку, сняла «пег-лег» и стала натягивать штанину своих белых «бананов» на новый протез.

— Ладно, Матвей Петрович, спасибо вам большое за работу, пойду я.

— Давай, только в ведомости расписаться не забудь.

Надев «обновку» и штаны, я уложила старую ногу в синенькую сумку-рюкзак, прилагавшуюся к новому протезу, «пег-лег» в серую, попрощалась с Петрови-чем и, выйдя из кабинета, направилась к выходу из «протезки».

Выйдя в вестибюль и направившись было к выходу, я краем глаза засекала в киоске с различными ортопедическими прибабасами вещь, на которую у меня сразу образовалась стойка. В киоске стояли черные лакированные «канадки»<sup>1</sup>. Посмотрев на цену, я некоторое время провела в борьбе со своим внутренним земноводным, но пообещав ему избиение своими старыми и обшарпанными костылями, я загнала жабу в болото и побаловала себя обновкой.

Выйдя на стоянку, я положила сумки с протезами и костыли на заднее сиденье старенького «запора»<sup>2</sup>, подаренного родителями на восемнадцатилетие, села за руль и поехала домой.

---

<sup>1</sup> «Канадки» — сленговое название подлокотных костылей.

<sup>2</sup> «Запор» — народное прозвище автомобилей «ЗАЗ».

*Михнево.*

*11 августа 2004 года, вторник, 12 часов 50 минут.*

*Саша*

— Да, мам, я в пробке...

— Где? Да на подъезде, возле рынка...

— Да блин, стоим плотно, уже десять минут не движемся...

— Да, пап...

— За рынком направо и через промзону...

— Да. Поняла. Попытаюсь сейчас свернуть...

Я, отчаянно сигналив, пропихнулась в правый ряд и свернула в еле заметный проезд. Километра через полтора я поняла, что заехала не туда, куда говорил отец. Вокруг угрюмые заборы и стены ангаров. Я свернула налево и через пару сотен метров обнаружила, что попала в тупик. Развернувшись, я выехала обратно и, проехав немного дальше, свернула в следующий проезд и, метров через триста увидела, что проезжая часть капитально перекопана. Подъехав к яме поближе, я обнаружила что справа, вплотную к стене ангара, почему-то зашитой профлистом, яма засыпана, причем засыпана «с верхом». Смесь песка и гравия поднимается горкой, сантиметров на тридцать-сорок. Я воткнула первую и стала осторожно перебираться, вплотную прижимаясь к стене ангара, и, по ходу, вспомнила папин рассказ, как его коллега по «дальнобою», наутро после «хорошо посидели», стартовал на «МАНе»<sup>1</sup> из бокса, сквозь кирпичную стену. На середине горки правое заднее колесо внезапно просело и я, не успев выжать сцепле-

---

<sup>1</sup> «МАН» — здесь, грузовой автомобиль. MAN — немецкая машиностроительная компания, специализирующаяся на производстве грузовых автомобилей, автобусов и двигателей. Образована в 1758 году, ранее носила название Maschinenfabrik Augsburg-Nürnberg AG (Машинная фабрика Аугсбург-Нюрнберг, АО). Штаб-квартира расположена в Мюнхене.

ние, заглохла. Помянув женщину легкого поведения, я опустила рычаг сцепления... и тут заметила, в левом «лопухе», несущуюся сзади кофейного цвета «девятку» и услышала приближающийся звук сирены.

«Девятка» сначала приняла влево, видимо водитель думал объехать яму по левой стороне, но, увидев, что та упирается в противоположный забор, резко затормозил и повернул направо.

У меня замерло сердце: — «Щас впендюрит!» Но «девятка», лишь слегка зацепив «пылесосик» сзади, пробила профлист и с грохотом исчезла внутри. Я вспомнила самку собаки и успела подумать, что со всеми предстоящими гаишными разборками я попаду домой хорошо если к вечеру, как через несколько секунд, стенка из профлиста вздрогнула, стала разваливаться, и я увидела, что на «пылесосик» валится, приличных размеров рама, затянутая внутри блестящей металлизированной пленкой. Понимая, что я уже ничего не успею сделать, я вцепилась в руль и, закрыв глаза, замерла. По моему телу сверху вниз пронеслась одно временно обжигающая и леденящая волна, раздался звук падающих листов железа. Я открыла глаза, и в них ударил пронзительный солнечный свет...

*Где-то восточнее Аламо.*

*12-е число 10-го месяца 21 года, 07 часов 19 минут.*

*Саша*

Багровое солнце стояло над самым горизонтом, вокруг расстился пейзаж, напоминавший фильмы Би-би-си об африканской саванне. Машина стояла на пятне из песка и гравия, вокруг которого росла довольно высокая и незнакомая мне трава. Рядом валялись погнутые куски профлиста, в которых торчали штырьки саморезов. До меня дошло, что дыра в стене ангара была заделана наихалтурнейшим обра-

зом — верхний ряд присобачили к стене на дюбелях, а последующие скрепляли друг с другом саморезами. И хватило не слишком сильного удара изнутри, чтобы вывалить латку, часть которой сейчас лежала на машине справа, а часть была разбросана по сторонам.

Я глубоко вздохнула и, наконец, призналась себе, что меня забросило черт знает куда и черт его знает каким образом.

Собравшись с духом, я открыла дверь машины и выбралась наружу. Слой засыпки, на котором я стояла, был не толще пяти-семи сантиметров и заканчивался меньше чем в метре от «пылесосика». Я обошла его спереди, отбросив на траву один из оторвавшихся листов, лежавший краем на переднем бампере, и увидела «девятку», с открытыми передними дверями, стоявшую под остатками жестяной латки.

В первый момент я не поняла, что в ней цепляло взгляд, но, присмотревшись, поняла, что машина стоит не на спущенных, как мне показалось в первую секунду, а на СРЕЗАННЫХ колесах! Причем, если левая задняя крышка была срезана чуть пониже диска, то переднее колесо отсутствовало почти до болтов. От машины шел пар, резко пахло горячим тосолом и маслом. Вспомнив советы отца о том, что надо делать в первую очередь с машиной, попавшей в аварию, я вцепилась в листы лежавшие на «пылесосике» и потащила их в сторону. Когда я вступила на траву, то с изумлением заметила, что их нижний край режет довольно жесткую траву, как луч бластера. Напрягши свои умственные способности, я пришла к выводу, что на меня грохнулось какое-то устройство для перемещения, что-то вроде «врат» или «портала»; сбитое «девяткой», оно, к счастью, подсекло засыпку, и колеса моего «запора» не пострадали, в отличие от «Самары».

Борясь с уже начавшей накатывать истерикой, я открыла багажник «пылесосика», выудив оттуда сумку с

ключами и здоровую зилловскую монтировку, грубо вскрыла помятый капот «девятки», отключила аккумулятор и... Меня пригвоздил к месту раздавшийся за спиной утробный рев. Медленно обернувшись, я увидела (мать моя женщина!) стадо в несколько десятков огромных животных, медленно шествовавших примерно в двухстах метрах от меня. Похожие на подростков и покрытых шерстью носорогов, с кучей рогов и бивней на голове, весом и размером они явно не уступали слонам. На меня дохнуло запахом, напомнившим об имевшем когда-то место визите в свинарник. Только запах был намного сильнее.

Я стояла не шевелясь, наверно, минут пятнадцать, пока стадо не скрылось за склоном невысокого холма. А в голове билась мысль: «Этого не может быть! Таких зверей на Земле нет и никогда не было!»

Только теперь до меня окончательно дошло, что я не «где-то там далеко на Земле», а в другом мире!

Я стояла, прислонившись к горячему боку «Запорожца», и меня капитально колбасило от осознания того, ЧТО же со мной случилось. Первой меня посетила мысль, что я здесь одна в диком и враждебном мире, что меня ждет короткая и тяжелая жизнь и финал в желудке какого-нибудь из местных организмов, ибо, судя по травоядным, хищники здесь должны водиться весьма неслабые. Второй возникла более оптимистичная мысль, что я попала сюда с подмосковной улицы безо всяких знамений и предзнаменований, что рядом лежит кусок жести, за которой (зуб даю!) и находилась нештатно сработавшая установка! А раз есть установка, значит, есть и люди, которые все это и затеяли и которые наверняка уже протоптали дорожку сюда.

Утешив себя этими рассуждениями и задвигая по-дальше мысли о том, что люди могут быть и где-нибудь на другом континенте, а если и поблизости, то могут оказаться мне совсем не рады, я решила до конца вы-

потрошить «девятку», а потом отправиться... куда-нибудь.

Начать я решила с топлива, ибо его у меня было меньше чем полбака. Я перелила в бак бензин из резервной канистры-десятки и, вооружившись шлангом, стала сливать топливо из «девятки». Его хватило залить бак «пылесосика» под пробку и наполнить канистру.

Положив канистру в багажник, я начала обшаривать машину с салона. В бардачке нашлась полупустая одноразовая зажигалка, атлас улиц Москвы, пара золотников и новенькие рабочие перчатки с пупырышками. Отнеся все эти полезности в «запор», я открыла левую заднюю дверь. На полу, между рядами сидений, лежали: довольно большая и пошарпанная черная сумка, пластиковая упаковка из шести двухлитровых бутылок пива «Арсенальное» и черная борсетка. Решив начать с нее, я обнаружила в ней конверт с запечатанной банковской упаковкой пятитысячных купюр, лопатник с пятьюстами долларами и семью тысячами рублей и паспорт, открыв который, я с изумлением уставилась на фотографию, с которой на меня смотрела физиономия Вовки-мажора с уже заметными даже на паспортном фото следами разгульной жизни. Правда, фамилия в паспорте была Ковалев, а Вовка-мажор, сколько я его знала, был Арефьевым.

Вспомнив встречу, полуторагодичной давности с Наташкой Бедновой и ее слова: «Знаешь, Саш, мажор, с тех пор, как его папашу грохнули, совсем скурвился, с такими кадрами трется», и убедившись, что не ошиблась в оценке будущей судьбы одноклассника, я затолкала все обратно в борсетку и переключилась на сумку.

Еще вытаскивая ее из машины, я услышала характерный бряк, наведший на вполне конкретные мысли о ее содержимом. Открыв сумку, я извлекла на божий свет две круглые булки хлеба, три палки дорожной